

Б. Г. Ахметшин

**ОТРАЖЕНИЕ УСЛОВИЙ ТРУДА И БЫТА
ГОРНОРАБОЧИХ БАШКИРИИ В ПРЕДАНИЯХ
И ДРУГИХ УСТНЫХ РАССКАЗАХ**

(ПО МАТЕРИАЛАМ ФОЛЬКЛОРНЫХ ЭКСПЕДИЦИЙ
БАШКИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА)

Истоки фольклора рабочих Урала — колыбели промышленного пролетариата России — восходят к середине XVIII века, когда уральские рабочие люди «в домне и в кузнях работали, и в курене дрова рубили» и хлеб сами сеяли, а весной барки с чугуном сплавляли¹. В прозаических его жанрах — предании, легенде и устном современном рассказе — правдиво отражены жизнь и труд рабочих в прошлом. Между тем прозаический фольклор рабочих горнозаводских районов России, особенно Юго-Восточной Башкирии, в отличие от их песенного творчества, почти не изучен.

Условия труда на крепостных горных заводах и рудниках были губительными для здоровья: в цехах не было вентиляции, люди страдали от жары и недостатка воздуха; в шахтах работали, стоя по пояс в воде. Частыми были случаи массовой гибели рабочих. Особенно изнурительным был труд углежогов и сплавщиков. О тяжелой «огненной работе» на старом уральском заводе говорится в русской сказке «Кузнец и черт», которую сложили местные рабочие. Даже черт, попав в кузнечный цех, не выдерживает сверхадских мучений, которым подвергаются рабочие, и убегает оттуда².

Рассказы о подневольном труде закованного в цепи крепостного рабочего были использованы П. П. Бажовым в сказе «Две ящерки»³. Известно предание о том, что на Невьянском заводе людей «заковывали в железо и, как невольников, заставляли работать по 24 часа и более, без малейшего отдохновения и все стоящими на ногах в грязи и воде»⁴.

Заводской труд нашел яркое отражение в башкирском предании о первом башкирском рабочем-металлурге: «В Тамьяно-Катайском кантоне лет сто тридцать назад жил башкир Ибрагим. Занимался он бортничеством. Жалили его пчелы, но терпеливо переносил боль Ибрагим, хотя весь в укусах ходил. Сам мед ел и в обмен на железо на Белорецкий завод носил. Управитель Яков все уговаривал Ибрагима пойти на завод: „Будешь хорошим железодельцем“. Согласился Ибрагим и стал работать в кричном цехе. В цехе стояла страшная жара. Летали огненные пчелы и больно жалили тело Ибрагима. Долго терпел он эту огненную боль. Но когда Яков дал ему заработок — горсть медных денег, — бросил

¹ И. Зайцев, Народное творчество Южного Урала, Челябинск, 1948, стр. 121.
² В. П. Бирюков, Дореволюционный фольклор на Урале, Свердловск, 1936, стр. 206—208.

³ П. Бажов, Избранные произведения в 2 томах, т. I, М., 1964, стр. 97—110.

⁴ В. Я. Кривоногов, Антикрепостническая борьба на Невьянском заводе в 20-х годах XIX века, «Уч. зап. Свердловского гос. пед. ин-та», вып. II, Свердловск, 1955, стр. 133.

Ибрагим деньги под ноги управителю и пошел из цеха. Яков спрашивает: «Чего же ты, Ибрагим, уходишь?» Ибрагим ему отвечает: «У вас пчел много, а меду нет»⁵.

Народные уральские предания эпохи крепостничества ярко повествуют о случаях, когда по приказанию заводского начальника «ослушников» живыми бросали в доменные печи, сажали на раскаленные крицы, закапывали под плотину заводского пруда, засыпали в шахтах или затопляли в подземных казематах и мастерских. Старожилы поселка Миндяк и окрестных деревень в Учалинском районе рассказывают о том, как несколько сот шахтеров по воле хозяина оказались заживо погребенными в забое. Там, где разыгралась эта трагедия, каждой весной раздаются голоса и стоны из-под земли⁶. Несмотря на элемент фантастики, рассказ в основе своей реалистичен.

Не менее тяжелым было положение рабочих лесорубов и кабанщиков-углежогов. Последним приходилось жить в сырых и холодных балаганах и землянках, работая без отдыха день и ночь. От сухого дыма, копоти и смрада у углежогов болели глаза, дыхание становилось тяжелым, резко ухудшалось здоровье. Жителям старого Урала были хорошо знакомы эти «черномазы», постоянно попадающиеся на лесных дорогах. Вот как живо и подробно рассказывает со слов своего деда о работе на углесидных печах один из лапыштинских старожилов: «Лапыштинского завода и в помине не было, когда дед с семьей приехал из деревни уголь выжигать для Авзянского завода. Поставил он на Тихом ключе кучной балаган, обсыпал его землей и стал жить. А поблизости, в двух-трех километрах, селились другие кабанщики. Валили сосны, распиливали и складывали кучей «лиханы» (бревна 3,5 аршина), засыпали «кабан» землей и жгли две-три недели, а то и больше. С одного «кабана» выходило 200 коробов, или 400 кубометров угля, который дед возил на своих двух лошадях на завод. Кабанщик весь в копоти, запыленный сидел у огня день и ночь. Бывало, что «кабан» взрывался: землю раскинет взрывной волной и пылом горит. Если вокруг много людей, можно засыпать землей, а если мало, сгорала половина «кабана». Сгорал иногда и уголь, уже вынутый. Дед как-то ночью задремал и не заметил, как вспыхнул уголь. Растерялся, схватил ведро, стал тушить водой, а пыл усилился. Побежал в балаган за помощью. Вдвоем с бабушкой еле-еле засыпали уголь, но все же много сгорело.

Когда дед и другие кабанщики рубили лес, выдавали в конторе аванс. Как сложат «кабан» и засыпят землей, еще давали «скупую копейку». Когда выжигали уголь, опять малость платили, чтобы не умер с голоду. За каждый доставленный на завод кубометр угля кабанщик получал расчет»⁷.

Работа сплавщика, постоянно связанная с риском для жизни, выколачивала человека особого склада, внешне сурового и замкнутого, но душевно богатого, хранившего в своей памяти множество поэтических преданий и легенд о жизни и труде, об окружающей природе. Исключительно большую популярность и поныне имеет предание о Митрохином, или Митрошкином камне. Историей гибели в конце XVIII — начале XIX в. лоцмана Митрохи (Митрофана) открывается ряд преданий о бельских сплавщиках. Тогда, во времена Владимира Демидова, фарватер р. Белой не был изучен, и барка могла неожиданно налететь на подводные камни. Житель пос. Бельск Белорецкого района рассказывает: «Там, где Белая, перерезав горы, выходит к степям, возле хутора Кузнецовского в воде образуется большой пережат. Вел однажды барку с чугуном из

⁵ Записано в г. Белорецке от рабочего-металлурга К. Тафтахетдинова Р. Алфеевым.

⁶ Записано в дер. Кильмяково от Х. Габитовой, 1875 г. рожд. (здесь и далее, где это не оговаривается, запись произведена нами. — Б. А.).

⁷ Записано от жителя с. Лапыштино Г. И. Бардина, 1886 г. рожд.

Каги лоцман Митрофан. Вот он провел барку через перекат и от радости, что уже все позади, выпил шкалик водки. Вдруг барка ударилась о скалу, и весь чугуном пошел ко дну. Времена тогда были страшные, и бедный лоцман поплатился жизнью: хозяин насмерть засек его плетьюми. Теперь это место называется Митрохин, или Митрошкин камень»⁸. Та же участь постигла лоцманов Ромашку и Еремку, не сумевших провести барки с чугуном до Табынского: «Только осталась после них память о Ромашкином острове да Ереминым камне, где они посадили свой груз и где их запороли розгами»⁹.

Рассказ о драматической судьбе крепостного Митрохи в устах современного рассказчика звучит как суровое осуждение крепостничества. Он использован Р. Алферовым в очерке «Прочнее стали». «Дед мой знал Митрошку, — говорит один из персонажей очерка, — сам видел, как поймали его, раздели догола, веревками за руки и ноги к камню привязали. Пять человек по очереди кнутом били. Когда пятый от усталости бросил кнут, Митрошка лежал пластом, со спины кровь стекала струйками на камень...»¹⁰.

В таких русских и башкирских (они неотделимы друг от друга) преданиях, как о Ромашкином острове, Митрохином и Ереминым камнях, записанных в пос. Вельском, эпоха крепостнического гнета отразилась еще явственней, чем в «Преданиях реки Чусовой», опубликованных В. П. Кругляшовой¹¹.

Поньше бытуют рассказы, преимущественно русские, о крепостнических порядках и их отмене на горных заводах Башкирии. Причем в памяти народной образ первого заводовладельца и связанные с ним события XVIII в. нередко сливаются с воспоминаниями о его преемниках и событиях заводской дореформенной жизни XIX в. Так, например, в некоторых преданиях Кугарчинского и Зилаирского районов повествуется о заводчике Мосолове, в образе которого неотделимы друг от друга черты нескольких поколений заводчиков Мосоловых. Наиболее распространенными в с. Кананикольском сюжетами об отмене крепостного права являются: «Как Мосолов плакал, лишившись власти» и «Как в 1861 г. барин Мосолов был выпровожден из Кананикольского завода». В преданиях о последнем заводчике Мосолове вырисовывается живой и вместе с тем обобщенный образ властного самодура, растерявшегося и злобствующего от того, что лишился, «крещеной собственности» и рабочие, вчерашние крепостные, не хотят больше оказывать почестей ему — своему врагу и мучителю.

«Прадед мой работал у барина Мосолова в Кананикольском. Когда отменили крепостное право, Мосолов вызвал его и говорит:

— Теперь проси жалование. Теперь так работать не будешь.

И сам заплакал:

— Вот сукин сын, мальчишка, отобрал мою собственность»¹².

«Когда в 1861 г. вышла воля, завод у нас закрылся. Барин Мосолов просил стариков: „Проводите меня с почестью, я вам дам земли вокруг села на 10 верст“. А старики отказались и говорят „Уезжай — последнюю с потолка землю отдадим, только уезжай“»¹³.

В исторически достоверных устных народных рассказах о пореформенной жизни характеризуется грабительская сущность реформы 1861 г.

⁸ Записано в пос. Бельск Белорецкого р-на от плотогона Г. Б. Нургалина.

⁹ Записано там же от паромщика К. О. Павлова, 1900 г. рожд.

¹⁰ Р. Алферов, Прочнее стали, Уфа, 1954, стр. 88—89.

¹¹ «Предания реки Чусовой», Свердловск, 1961.

¹² Записано в с. Кананикольском Зилаирского р-на от К. Л. Осипова и студентами Башкирского госуниверситета А. Гришиной, А. Швецовым в июне 1961 г. от рабочего-пенсионера П. Е. Чупина, 1892 г. рожд.

¹³ Записано в с. Кананикольском Зилаирского р-на от К. Л. Осипова, 1876 г. рожд. Л. Баргом и студентами Башкирского госуниверситета А. Гориньми, В. Кудашкиной, Г. Яковлевой в июле 1961 г.

Так, например, рабочий-пенсионер Баскаков Федор Николаевич, рассказывает: «Между Бердяшским помещиком Чистозвоновым, Охотниковым, владельцем Преображенского завода в Зилаире, и Кананикольским лесопромышленником Пименовым все время шла конкуренция. Рабочие переходили от одного к другому владельцу в поисках лучшего заработка. Вроде как бы и освобожденные, а никуда не денешься. Леса много, а прута не шевели. Жили по три-четыре семьи вместе, в маленькой хатенке ютилось по 25 душ. А кругом леса и леса — и не тронь»¹⁴.

Отмена крепостного права мало что изменила и в положении приисковых рабочих-золотоискателей. Их жизнь и труд реалистически показаны в рассказах о «фарте» — неожиданной счастливой находке золота. «Фарт» редко и ненадолго улыбался артелям, даже если это были выдавшие виды, промывшие горы песка старатели. Но на случайную удачу возлагалось много надежд. Поэтому рассказы о том, как «пофартило», пользовались в среде приисковых рабочих особой популярностью. Счастливая развязка таких рассказов не исключала изображения в них суровых будней золотоискательского быта, только оттеняла его и придавала рассказам социальную остроту. Во многих записанных нами устных рассказах работа золотоискателя сравнивается с карточной игрой. «Не повезет, не идет в руки золотишко, — говорит старый горняк, реально оценивший улыбку золотой фортуны, — значит, будешь ни с чем»¹⁵.

На приисках и рудниках несчастные случаи и массовые катастрофы были обычным явлением, и это подчеркивают в своих рассказах-воспоминаниях старые горняки: «На Султанском прииске, говорят, много было золота. Но и людей похоронено там порядочно. Однажды случился обвал, и сорок человек засыпало под ним. Все были казанские зимогоры. А хозяин прииска Рамеев подкупил местных мулл и получил свидетельство, что шахтеры умерли от болезней. Потом заново начал разрабатывать. Но не закончил. Вскоре шахту опять затопило. Еще 8 горняков остались под водой»¹⁶. На Султанский прииск стекались бессемейные, бездомные зимогоры и «контрашные» — башкирские, татарские, русские сезонники, с которыми администрация прииска заключала контракт. «Контрашные» жили в казармах по 40—50 человек вместе с детьми. Это была самая бесправная, приниженная и отсталая в культурном отношении часть уральского пролетариата. Однако и зимогорам не были чужды чувство собственного достоинства, остроумие, удасть. Невзгоды скитальческой жизни закалили их, сделали выносливыми, многоопытными. Духовный облик зимогоров — «контрашных» отразился в импровизированных зимогорских башкирских и татарских песенках, однако собственного прозаического фольклора зимогоры не создали.

Старые горняки рассказывают, как приисковое начальство использовало зимогоров-бродяг на самых опасных участках шахты, как унылой толпой возвращались они вечером в свой грязный барак и как у каждого из них осматривали волосы, рот, уши, чтобы не утаили золото.

Военной силой и полицейской властью удерживали свое господство над народом золотопромышленники, окружившие себя крутыми на расправу приказчиками и управляющими, жандармами и будочниками. Об одном таком «охранителе покоя» рамеевского управляющего на Балканском прииске рассказал бывший рабочий этого прииска: «Зверствовал на Балканском прииске стражник Рыков. Бывало, идут парни вечером с гармошкой и песни поют. Еще далеко до рыковского дома,

¹⁴ Записано в с. Русский Бердяш Зилаирского р-на студентами Башкирского госуниверситета В. Грызуновой, З. Горяйновой, П. Лысенко в июле 1963 г.

¹⁵ Записано в дер. Басаево Баймакского р-на от бывшей артельщицы Х. Т. Амангуловой, 1903 г. рожд., в июле 1966 г.

¹⁶ Записано в дер. Туктагулово Баймакского р-на от М. Ю. Исянбаева, 1905 г. рожд., в июле 1966 г.

а песня уже обрывается, гармонь смолкает. Пройдут ребята мимо дома Рыкова, и снова песня слышна, снова гармонь заиграет»¹⁷.

В большинстве бытующих поныне устных рассказов о судьбах рабочих семей и отдельных рабочих до Октября с гордостью подчеркивается мысль, что основа горного промысла — рабочий человек. Освоение сурового края, разведка и открытие рудных месторождений, развитие горнодобывающей промышленности — дело рук рабочего человека. Но оно было связано с неисчислимыми жертвами. Чувством скорби и гнева проникнут рассказ-воспоминание о первых поселенцах Инзерского чугуноплавильного завода, об их повседневном быте и труде: «Тогда мы еще жили в Авзяне. Помню, как народ уходил сюда на стройку. Все говорили, пойдем на новый завод зарабатывать на жизнь. Ну и заработали себе займы. Ни один не вернулся. В 1910 году и мы переехали в Инзер. С тех пор и живем. Тогда всюду были построены казармы. Народу в них — как сельдей в бочке. Лошадей своих не было. Все на конторских. Гроши зарабатывали».

В заводских поселках, ставших в дореволюционные годы пристанищем для переселенцев, оставшихся без работы, царил нищета. Заводчики широко использовали труд женщин и детей. Воспоминания об этом сохранились и поныне: «Восьмилетним мальчишкой стал я работать на добыче руды, — рассказывает житель деревни Таштимеров. Однажды в ночную смену я уснул прямо в забое. А был у нас десятник. Молодой еще, но дотошный. Всем от него доставалось. Заметил меня и сонного схватил за уши и поставил на землю. От страха я грохнулся оземь и заплакал. А десятник назначил штраф: в течение недели удерживать с меня ежедневно по 5 копеек»¹⁸.

Нужда, гнет и обман, царившие в горнозаводских поселках, нередко вызывали возмущение. Первые волнения и бунты рабочих-углекопов в 1824 и 1841 гг. на территории нынешнего Белорецкого района были жестоко подавлены. Стихийные выступления постепенно перерастали в организованную борьбу. В 1864 г. башкиры оставили работу на золотых приисках барона Каца¹⁹. В конце 70-х годов на Уртазинском прииске произошла массовая забастовка шахтеров, которые предъявили экономические требования. Не поддержанная рабочими других приисков, она была быстро подавлена, а над ее участниками состоялся суд²⁰.

Заводская администрация стремилась использовать слабые стороны рабочего движения, чтобы разобщить его участников, ограничить выдвинутые ими требования. В период первой русской революции 1905—1910 гг., когда напуганный бурными событиями царь поспешил объявить манифест, обещающий некоторые буржуазно-демократические свободы, заводская администрация оказалась вынужденной заигрывать с рабочими. Лаконично и выразительно рассказывает об этом бывший рабочий Лапыштинского металлургического завода Бардин Григорий Иванович: «Когда в Петербурге в 1905 г. царя тряхнули, наше заводское начальство не на шутку испугалось. Помню, приехал на Лапыштинский завод главный управляющий из Инзера и вместе с нашим управляющим Родионовым пирушку для рабочих устроил. На полянке возле дома Родионова наварили мяса на кострах, водки привезли. Тут собрался народ. Главный управляющий говорит:

— Вместе, ребята, будем гулять. Свобода слова теперь, свобода печати!

¹⁷ Записано в г. Сибее Л. Барагом в июле 1966 г.

¹⁸ Записано в дер. Таштимерово Абзелиловского р-на от В. А. Кожевникова, 1904 г. рожд.

¹⁹ «Очерки по истории Башкирской АССР», т. I, ч. II, Уфа, 1959, стр. 234.

²⁰ Рассказы об этом записаны в г. Сибее от жителя дер. Мрясово Баймакского р-на Х. Х. Хамитова, 1916 г. рожд.

Так напоили тогда людей, что началась драка. А господа на террасе стоят да посмеиваются:

— Вот дикари, сами себя бьют!

Я тогда молодым был, но стал догадываться, что не зря все это начальством затеяно».

В рассказах рабочих отражается постепенный рост революционной организованности и сознательности лапыштинских рабочих. Так, например, о более высокой сознательности рабочих свидетельствуют устные рассказы о лапыштинской забастовке 1916 г., вынудившей заводчика согласиться с требованиями рабочих повысить заработную плату и сократить продолжительность рабочего дня, и о том, как незадолго до революции лапыштинские рабочие изгнали из заводского поселка «бешеного» лесничего Сигизмунда.

Устные рассказы и предания о строительстве заводов и рудников на «выжженной и опустошенной» окраине, о невыносимых условиях на «огненной работе», зверствах и расправах заводчиков над крепостными рабоблачали хищнические черты и античеловечность крепостнических и капиталистических порядков. Реальные единичные факты из жизни горнорабочих, приобретая в живом изложении некоторые выразительные подробности, как бы переплавлялись в типические события и образы.

Предания и другие устные рассказы о дореволюционной горнозаводской жизни, имеющие глубокую устную традицию и довольно широко бытующие и поныне в Башкирии на русском и башкирском языках,— это ценный в познавательном отношении материал об условиях труда и быта рабочих.
